

РОЗДІЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 316.462

СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ: УРОКИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НИМИ В РОССИИ

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Заслуженный деятель науки РФ

В статье рассматриваются различные типы отношений между социологией и властью, которые существуют в обществе вообще, в российском, в частности. В рамках рассмотрения историко-социологического и современного российского контекста делается вывод о том, что противостояние социологии и власти может смениться их реальным взаимодействием только в том случае, если власть не будет мешать становлению гражданского общества и его различных структур. Для этого необходимым условием является отказ от авторитарного режима и полицейского государства, от ужесточения идеологического давления, от попыток насаждения консервативных ценностей, активизации православного фундаментализма. Методологическим основанием авторского анализа является тезис о том, что социология идентифицирует себя с одним из элементов гражданского общества, оставаясь в то же время институциональным феноменом.

Ключевые слова: социология, власть, типы отношений между социологией и властью, российское общество, гражданское общество, демократическое общество, авторитарный режим.

У статті розглядаються різні типи відносин між соціологією та владою, що існують у суспільстві взагалі, в російському, зокрема. В рамках розгляду історико-соціологічного та сучасного російського контексту робиться висновок про те, що протистояння соціології та влади може змінитися на їх реальну взаємодію тільки в тому випадку, якщо влада не буде заважати становленню громадянського суспільства і його різних структур. Необхідною умовою для цього є відмова від авторитарного режиму та поліцейської держави, від посилення ідеологічного тиску, від спроб насадження консервативних цінностей, активізації православного фундаменталізму. Методологічною підставою авторського аналізу є теза про те, що соціологія ідентифікує себе з одним з елементів громадянського суспільства, залишаючись у той же час інституційним феноменом.

Ключові слова: соціологія, влада, типи відносин між соціологією та владою, російське суспільство, громадянське суспільство, демократичне суспільство, авторитарний режим.

The article examines various types of relations between sociology and the authorities that exist in the society in general, in Russia, in particular. In the course of consideration of the history of sociology and contemporary Russian context it is concluded that the confrontation between sociology and the authorities can give way to real interaction only if the government will not interfere with the formation of civil society and its various entities. For this a necessary condition would be to refuse from the authoritarian regime and the police state, the substantial tightening of ideological pressure, from attempts to plantations conservative values, activation of Orthodox fundamentalism. The methodological basis of author's analysis is the thesis that sociology identifies itself with one of the elements of civil society, while at the same time, it is an institutional phenomenon.

Keywords: sociology, power, types of relations between sociology and power, the Russian society, civil society, democratic society, the authoritarian regime.

Проблема отношений между социологией и властью всегда была одной из главных для социологической науки и практики. Начиная со времен О. Конта, социология испытывала на себе зависимость от властных структур, а ее стремление к самостоятельности с самых первых шагов существования означало не только «отпочкование» от «материнской» философии, но и попытку собственного, относительно автономного от власти развития. Именно поэтому практически все крупные представители социологической мысли на протяжении всей истории ее существования, так или иначе, касались поставленной проблемы, причем у большинства из них не наблюдалось конформизма в отношениях с властью. Иначе социология была бы не в состоянии выполнить одну из своих основных функций – критическую.

В данной статье *целью* авторского исследования является анализ отношения социологии и власти в его российском контексте, причем речь пойдет не только о характеристике самого этого отношения, но и об извлечении уроков из него – как на историко-социологическом, так и современном материале. Смысл и задача анализа состоит в том, чтобы показать стремление социологии быть «антивластной» по своей направленности только там и тогда, где и когда сама власть противоречит гражданскому обществу, мешает его становлению, не признает его сегментацию и структуру, а также право на самостоятельное существование. Методологическим основанием анализа является тезис о том, что социология идентифицирует себя с одним из элементов гражданского общества, оставаясь в то же время институциональным феноменом.

Охарактеризуем отношения между социологией и властью в России / Советском Союзе / России сквозь призму нескольких уроков, которые должны быть извлечены из этих отношений для их адекватного понимания и стремления не воспроизводить в будущем ошибок и просчетов ни для социологии, ни для власти.

Урок 1. Следует учитывать, что проблема отношений между социологией и властью всегда была и будет одной из центральных в российском / советском / российском обществе, учитывая специфику власти в нем, ее постоянно недемократический характер и слабые перспективы глубоких трансформаций в этой сфере социальной жизни. Об этом свидетельствует вся история развития отечественной социологии, начиная со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней.

На разных этапах этой истории рассматриваемые отношения не отличались большим разнообразием, причем преобладали в них черные и серые тона. Говоря о первом, дореволюционном этапе (1861–1917 гг.), отметим, что в то время в России существовала дискриминация социологии как науки со стороны царского самодержавия, проявившаяся в стремлении последнего воспрепятствовать ее развитию. Царское правительство рассматривало социологию как угрозу правящему режиму, поэтому вполне понятно, что уровень ее институционализации был крайне низким.

У российской социологии долгое время не было своих журналов, кафедр и факультетов в университетах, профессиональных сообществ и учреждений. Книги социологов печатались при условии благополучного прохождения ими цензуры. Также при соблюдении этого условия переводились на русский язык и издавались работы зарубежных социологов. Однако, если обнаруживалось их «враждебное действие на умы», книги могли быть изъяты и уничтожены. Так, в частности, поступили со вторым томом «Динамической социологии» американского социолога Л. Уорда, сожженным по специальному решению царского правительства, члены которого сочли эту книгу подрывной и враждебной его устоям.

В 1908 г. появилась первая кафедра социологии в России в Психоневрологическом институте (который возглавил академик В. М. Бехтерев), однако институт был частным, да и сам факт открытия и существования кафедры был осужден тогдашним министром народного просвещения Шварцем, пришедшим на торжественное открытие института. Криминалом считался ввоз социологической литературы из-за рубежа, о чем писал М. М. Ковалевский, когда он после длительного пребывания за границей вернулся в Россию в 1905 г. [1, с. 238–239].

Говоря о втором этапе отечественной социологии, охватившем большую часть XX в. (1917–1991 гг.), следует отметить, что в его границах отношения с властью колебались – от борьбы социологии за свое существование и выживание (до 1930-х гг.) до полного запрета в условиях сталинской диктатуры (1930 – середина 1950-х гг.) и затем – в период второго рождения (конец 1950-х – конец 1980-х гг.) – до стремления к самоутверждению под жестким контролем партийной власти и партийной цензуры как ее неотъемлемой части. В этой связи представляют интерес суждения Б. М. Фирсова о конфронтации двух типов развития социологии в нашей стране в послевоенный период (вплоть до 1980 г.) – естественного и подконтрольного (несвободного, разрешительного, регламентированного сверху). По его мнению, у нас господствовала неестественная форма управления социологией, знаменовавшая собой полную зависимость ученых и администраторов науки от институтов власти, прежде всего партийной и государственной [2, с. 432].

В этой связи привлекает интерес статья Б. А. Грушина «Учёный совет при Чингисхане», главная тема которой – отношение между социологической наукой и властью. Нормальным Грушин считал такое положение вещей, при котором «наука занимается наукой, управление – управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных..., либо – что гораздо эффективнее – путём прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...». В СССР же «...на определённом этапе его истории произошла серьёзная деформация, когда органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле – в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...» [3, с. 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов управления сплошные подозрения и нарекания, её отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась «...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду – не снесёшь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [3, с. 302].

Только в рамках третьего периода – с рубежа 1980-х – 1990-х гг. до наших дней – в условиях происшедшей институционализации социологии и существования ее в качестве независимой, автономной, самодостаточной науки удалось добиться свободы (за счет ликвидации жесткого контроля и цензуры) и возможности работать в рамках понимания своих собственных научно-практических проблем. Решение этой задачи произошло в 1990-е гг. Конечно, главную роль в данном процессе сыграли запрет КПСС в 1991 г. и широкая демократизация политической жизни в стране.

Однако в последние десять лет социология вновь стала ощущать усиливающееся давление, иногда прямое, чаще косвенное. Сегодня имеются достаточные основания говорить об ужесточении идеологического режима в стране. Определенный шаг в этом направлении сделан в самое последнее время в результате ликвидации агентства «РИА-новости» и появления новой идеологической структуры – «Россия сегодня» (очень точно охарактеризованной журналистом «Московского комсомольца» А. Минкиным как «Россия позавчера»). Также в рамках ужесточения идеологического давления следует рассматривать постоянные призывы В. В. Путина к усилению консервативных традиций в России, в целом консерватизма как идеологического направления, равно как и стремление иерархов церкви к усилению православного фундаментализма. Отдельные представители либеральной интеллигенции начинают поговаривать о переходе к цензуре.

Это не может не сказываться и на процессах, происходящих в социологической науке. Именно в таком ключе следует расценивать появившуюся в ней линию на сотрудничество с православной церковью и объявление идеологическими устоями современной социологии православия, самодержавия и народности [4].

Урок 2. Как следствие из сказанного, следует учитывать, что на протяжении всей истории развития отечественной социологии она испытывала и продолжает испытывать давление власти. При этом последняя до поры до времени может занимать позицию своеобразного стороннего наблюдателя в отношении социологии. Но как только ее представители касаются проблем, прямо или косвенно затрагивающих интересы власти, наступают на ее «мозоли», а также поднимают наиболее острые и болезненные вопросы социальной, экономической и политической жизни общества, так сразу же начинают ощущать жесткое противодействие своей деятельности со стороны самых разных управленческих структур.

Противодействие власти развитию социологии в России на протяжении последних полутора столетий их отношений демонстрирует самые разные формы ограничений социологической деятельности – от стремления оградить российское общество от «тлетворного влияния» буржуазных теорий, введения государственного (цензурного) контроля над переводами и изданиями работ зарубежных авторов и нежелания вводить социологическое образование в университетах (в рамках первого и второго этапов развития отечественной социологии) до полного запрета социологической науки и практики в условиях сталинской диктатуры и выдвинутых в самое последнее время жестких требований к отдельным социологическим структурам признать себя «иностранным агентом» – в соответствии с недавно принятым законом о некоммерческих организациях.

Урок 3. Отсюда следует, и этот урок обязательно должен быть учтен, что осознание зависимости социологии от власти в России заставляет конкретных представителей этой науки зачастую делать выбор в предпочтениях профессиональных интересов и проблемного поля для исследований не столько с точки зрения глубоких внутренних потребностей их авторов, сколько в плане выявления степени их свободы и независимости от властных структур в процессе осуществления научных поисков. Благо, что возможности

для такого выбора имеются, поскольку социологическая наука предлагает большой диапазон востребованных (не связанных с властью и политикой) проблем, включая целые лакуны в ее истории, логике и методологии социологического знания, методике и технологиях исследования, обработки полученного эмпирического материала и т. д.

Выбор, перед которым стоят социологи, касается не только стремления какой-то их части уйти от прямых и непосредственных отношений и взаимодействий с властью при осуществлении собственных исследований, но, наоборот, включенности их авторов в эти отношения и взаимодействия в случае изучения проблем, привлекающих внимание властных структур, а зачастую и финансирование научных работ с их стороны.

Этот второй выбор оказывается еще более сложным, чем первый, поскольку означает, с одной стороны, наличие двух крайних позиций, с другой – ряда промежуточных вариантов. Крайние позиции – это либо готовность полностью «лечь» под власть, выполняя роли и функции «продажной девки» и полностью соглашаясь на условия ангажированного «социального заказа», либо сохранение научного и независимого лица и готовность осуществлять лишь объективный анализ поставленной в исследовании проблемы. Отметим сразу, что когда власть безоговорочно принимает вторую позицию, честь ей и хвала. Что касается промежуточных позиций, то они представляют собой разную степень компромисса между властными и социологическими структурами (либо отдельными социологами).

Урок 4. Из приведенных суждений вытекает, что отношения между социологией и властью в России могут быть охарактеризованы на основе выявленных их типов. Следует различать две типологии отношений – между социологией и властью и социологами и властью. Вторая типология носит более дробный характер, чем первая, и конкретизирует ее.

Чтобы рассмотреть обе типологии, воспользуемся индуктивным методом, что означает характеристику, в первую очередь, типологии социологов по критерию их отношений с властью, а затем из этой детальной типологии выведем более общую типологию отношений социологии и власти. С этой целью используем предложенные Б. М. Фирсовым семь типических моделей отношений социологов с властью, характерных для отечественной социологии 1960-х – первой половины 1980-х гг. Сразу отметим, что приводимая ниже типология сохраняет свое значение сегодня лишь отчасти. Некоторые модели, к счастью, уже не работают, но не перестают привлекать интереса к ним, хотя бы потому, что это очень близко находящаяся к нам по времени история социологической науки.

Приведем вначале названия этих моделей, а затем каждую из них рассмотрим подробнее: 1) индивидуальное существование социологов в нише профессиональной деятельности; 2) дистанцирование их от власти; 3) коллективная иммунная защита социологов от власти на основе «игр по правилам»; 4) социальный конструктивизм социологов в сочетании с критическим отношением к институтам партийно-государственной власти; 5) активное сотрудничество социологов с органами власти; 6) поддержка режима из карьерных интересов; 7) независимо мыслящий ученый [2, с. 140–156].

К первому типу (первой модели) социологов можно отнести специалистов, которые работали «сами по себе», не вступая в коллективы, чаще всего занимались преподавательской деятельностью, которая, как известно, позволяла не вступать в конфликты, тем более с властью, уходить от сотрудничества с коллегами, работать совершенно самостоятельно, занимая свою особую, специфическую нишу в социологии. Такая деятельность выступала своеобразным бегством от реальности отношений социологии и власти. Она была вполне допустима, не подвергалась никакой критике, тем более, остракизму. Человек работал, преподавал, публиковался, у него была своя тема исследований, он мог выступать на конференциях, семинарах, но не более того. Такой тип поведения социологов мы бы назвали социологическим эскапизмом (в переводе с англ. *escape* – бегство). Понятно, что подобный характер деятельности мог быть присущ преимущественно социологам-теоретикам, но не эмпирикам, тем более, прикладникам.

Вторая модель поведения социологов означала стремление отдалиться, дистанцироваться от власти, но не способом, описанным выше (просто держаться подальше от нее, быть в стороне), а путем поддержания тех или иных людей, событий, ситуаций, которые либо осуждались властью, либо явно не получали ее поддержки (например, чтение запрещенной литературы, выступление в защиту участников и сторонников событий 1968 г. в Чехословакии, подписание различных протестных и «защитных» писем и т. д.). При этом такие социологи стремились быть как можно дальше от всякого рода руководящих инстанций, не вступать с ними в диалог, не принимать от них никаких предложений о сотрудничестве.

Третья модель подразумевала наличие своеобразной внутренней раздвоенности социолога, когда два типа его поведения не совпадали и даже противостояли друг другу. Первый означал поведение в профессиональной среде на основе «игры по правилам», что гарантировало коллективную иммунную защиту от власти. Что это означало? Прежде всего, как пишет Б. М. Фирсов, «определенную интеграцию с системой и вынужденно-примирительное отношение к некоторым нелегитимным действиям и запретам со

стороны власти» [2, с. 143]. Правила игры превращались в правила безопасности деятельности социолога. Среди них Фирсов называет такие, как занятия критикой буржуазной социологии (это было безопасно, не возбуждало повышенного официального внимания; кроме того, через критику можно было сообщить читателю некоторый объем позитивного знания), стремление не выходить за «красные флажки» цензурных и идеологических запретов. Второй тип поведения в рамках третьей модели означал отношения между социологами в очень узком, замкнутом круге, когда в разговорах с близкими коллегами можно было выражать ироническое отношение к руководителям партии и государства.

Четвертая модель, как полагает Б. М. Фирсов, может быть соотнесена с ядром мировоззрения «шестидесятников». Социологи, ее представлявшие, с одной стороны, осуждали и критиковали социальные порядки в стране (в рамках дозволенного идеологией и цензурой), с другой – проявляли высокий уровень активности, писали «наверх» письма и записки, чистосердечно (и наивно, добавим мы) полагая, что с их помощью удастся добиться позитивных изменений в стране. Это и были попытки социального конструктивизма, не приведшие к сколь-нибудь осязаемым результатам. Исследователи, придерживающиеся этой модели поведения в отношениях с властью, являлись, по мнению Б. М. Фирсова, «сторонниками демократического общества, расширения демократических свобод и верили в социологию как в средство раскрепощения социума, позволяющее понять реальные настроения людей, узнать их мнения и показать власти, которая высокомерно настаивала на знании реальных потребностей населения, истинное положение вещей» [2, с. 147].

Пятая модель поведения означала стремление социологов адаптировать свою науку к интересам властных структур и их запросам, получив, таким образом, административный ресурс в решении собственных проблем. Зачастую в основе активного сотрудничества с управленческими структурами лежало гипертрофированное властолюбие социологов, поскольку件件но, что игра на «поле власти» давала дополнительные возможности для его реализации. Появлению такой модели поведения способствовало то обстоятельство, что политическая угодливость (мягче – сервильность) в стране ценилась выше реального профессионализма. В результате социологи часто оказывались перед выбором – быть политически ангажированными или профессионально компетентными. Сочетание того и другого реально оказывалось невозможным.

Шестая модель поведения представлялась наиболее уродливой, поскольку включала в себя коррумпированных властью людей. Это были те, кто добровольно доносил на коллег (по-советски – проявлял бдительность), «оберегал» чистоту марксизма-ленинизма. Их научная компетентность вызывала сильные сомнения, а профессиональный уровень подвергался постоянной критике со стороны коллег. Характерным для представителей шестой модели поведения было не просто стремление «ложиться под власть», а еще и готовность «лизать ей сапоги».

Наконец, седьмая модель поведения характеризовала очень небольшую группу социологов. В чем-то она напоминала первую модель. Особенность ее состояла в том, что люди, ее представлявшие, сознательно отдавали себя во власть независимо мыслящей научной среды [2, с. 152] и не вступали ни в какую сделку, прежде всего, со своей научной совестью. Они не подчеркивали и не выделяли своей особой позиции по отношению к власти, оставаясь всегда самими собой.

Теперь перейдем к рассмотрению типологии отношений между социологией и властью, которая будет иметь, во-первых, более обобщенный характер, чем представленная выше, во-вторых, касаться не столько второго, сколько третьего этапа в развитии отечественной социологии и ее взаимодействия с властью. Это взаимодействие оказывается разнонаправленным и проявляется в различных векторах развития социологии. Его понимание сопряжено также с ситуацией, существующей в демократических странах (к числу которых мы не относим Россию), где связь между властью и социологией практически не ощущается, а если она и существует, то действует в имплицитной и латентной форме, так что об этом многие социологи и не догадываются, не говоря уже о том, что они испытывают на себе воздействие властных и политических структур.

Рассмотрим типы таких отношений между социологией и властью с учетом описанной ситуации.

1. Власть в стране характеризуется господством демократических институтов, и социология в этом случае развивается в свободном и независимом от нее режиме. Научная, преподавательская, практическая деятельность в сфере социологии может быть вообще вне связи с политическим режимом и реагировать лишь на те действия власти и ее институтов, которые противоречат существующим нормам, ценностям, традициям и затрагивают интересы конкретных групп людей.

2. Власть в стране не имеет выраженного демократического вектора и определяется давлением авторитарного (или тоталитарного) режима. В этом случае социология и ее представители оказываются перед выбором: идти на сотрудничество с властью, поддерживать ее на разных уровнях, выполнять заказы (в том числе ангажированные, требующие в ряде случаев поступаться научной совестью), оказывать

содействие режиму через систему преподавания, либо стремиться к проведению объективных и независимых исследований, подвергать критическому анализу деятельность властей, поддерживать оппозицию, раскрывать в процессе преподавания подлинную сущность власти, способствовать созданию и поддержке структур гражданского общества, включаться в их деятельность.

Названные два типа, как это видно, противостоят друг другу по основным позициям и их вектору в отношениях с властью. Но, помимо двух крайних типов, есть и промежуточные, точнее говоря, их конкретизирующие. Первый из них – стремление дистанцироваться от власти, работать в таких проблемах, которые находятся весьма далеко от непосредственных интересов властных структур. Это может быть достаточно абстрактный уровень теоретизирования, имеющий мало общего с реальными социальными проблемами. Скажем, речь идет о социологии науки или социологии знания и исследовании природы и особенностей того или иного вида (типа) знания. Это тот уровень, который можно определить как эпистемологический и который, чаще всего, не имеет прямого выхода к реальной проблематике повседневной, тем более, социально-экономической и общественно-политической жизни.

В рамках намечающегося приближения к этой ситуации и, соответственно, власти, ее создающей, имеет смысл говорить о еще одном – втором типе социологической деятельности, который принято называть моделью (эпистемологией) абсолютного наблюдателя [5, с. 15]. Суть ее в том, чтобы лишь наблюдать, фиксировать, отражать совокупность социальных фактов. Позиция социолога в этом случае не влияет на объект, она нейтральна и свободна от ценностей. Теория противопоставлена практике, поскольку они представляют различные сферы деятельности. В данном случае социолог даже не интерпретирует ситуацию, а просто ее наблюдает и описывает. Конечно, и в этом случае социология не свободна полностью от воздействия власти, поскольку в самом факте наблюдения и описания также можно обнаружить определенное отношение к ней. Но все же социологическое знание и направленность социологического мышления отделены от социальной реальности (включая социально-политическую ситуацию), противопоставлены в чем-то ей и лишь представляют (репрезентируют) ее.

Третий тип социологической деятельности относительно имеющейся власти состоит в значительно меньшем (чем во втором) дистанцировании от нее. Он связан с интерпретацией наблюдаемых социальных фактов, которые рассматриваются в оптике социологии, ее представлений и суждений, а также понятий и теорий, ею используемых. Эта интерпретация выводит социологию на возможность почти прямого взаимодействия с властью, но лишь в том случае, если последняя сама обратит внимание на исследовательскую позицию и проявит к ней интерес. Последний может иметь три вектора – позитивный, негативный и нейтральный. Это значит, что социологическая интерпретация воспринимается властью либо как соответствующая ее интересам, либо как противоречащая им, либо как не имеющая практического значения для принимаемых властных решений.

Четвертый тип социологической деятельности характеризуется как создание перформативной модели (перформативной эпистемологии). Происходит отказ от разделения субъекта и объекта познания. Социология активно включается в сеть отношений с властными структурами. «И здесь речь должна идти уже не просто о публичной социологии, которая репрезентирует свои репрезентации обществу, а о перформативной социологии, которая встроена в общество и активно участвует в его исполнении» [5, с. 20].

Весь вопрос в том, в какое общество, в какой властный режим должна быть встроена социология и в каком – должна активно участвовать в его деятельности. Конкретизируя этот вопрос, сформулируем еще один: должна ли она встраиваться в авторитарный (тоталитарный) режим власти и, если да/нет, что это означает на практике? Ответ на этот вопрос можно дать лишь в процессе анализа перспектив отечественной социологии и ее деятельности относительно властного режима.

Общение (взаимодействие) социологии (ее конкретных представителей) с публикой (обществом) в той или иной форме требует определенной смелости и гражданского мужества, особенно когда приходится задевать интересы власть и бизнес имущих. По нашему мнению, это – одна из разновидностей так называемой публичной социологии, сам термин и развернутая трактовка которого принадлежит американскому социологу М. Буравому [6, р. 4–28]. Гражданская и научная позиция (их не следует разделять в данном случае, поскольку они тесно взаимосвязаны и представляют собой некое единство) нужна и в противостоянии так называемой ангажированной социологии, представители которой в угоду заказчикам соответствующих исследований, в том числе и власть имущих, готовы пойти на фальсификации и искажения объективных данных.

В связи с этим возникает важная проблема взаимоотношения социологии, власти и бизнеса, точнее говоря, тех аспектов этого взаимоотношения, которые благодаря социологии приобретают (или могут приобрести) публичный характер. И здесь появляется такое место их встречи, о котором нужно сказать особо, – регион.

Для социологии в регионах, где ее представители достаточно известны и находятся под «аудио» и «видеонаблюдением», такая публичность иногда может дорого стоить. Конечно, отношения между социологией и властью в регионе (на местах) время от времени могут быть достаточно нейтральными и строиться по принципу «не трогать друг друга». Но не нужно забывать и о том, что в ряде случаев существует, помимо политического и идеологического интереса, финансовая сторона названных отношений, поскольку власть может оказаться заказчиком (и плательщиком) исследований.

Целесообразно выделить условия, определяющие возможность публичной социологии в регионе. В качестве таковых назовем: 1) стремление социологов быть активными и его реальные проявления в деле внедрения публичной социологии; 2) понимание ими тех сложностей, которые могут возникнуть на этом пути и затронуть их лично; 3) позиция власти – региональной и муниципальной, ее отношение к социологии, готовность / неготовность сотрудничать с ее представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и деятельности самой власти); 4) позиция СМИ, их отношение к социологии, готовность / неготовность сотрудничать с ее представителями и признать их право на критический анализ социальных процессов (в том числе и самих СМИ); 5) отношение различных социальных групп к власти, ее деятельности, к СМИ, к социологическим исследованиям, наличие выраженного общественного мнения, уровень и характер его изучения в регионе; 6) уровень активности населения, в том числе протестной.

Урок 5. Из сказанного следует необходимость определить, что российскую социологию в ее отношении к власти устраивает, а что – нет (с учетом характера самой власти). Устраивает, прежде всего, признание самой социологии, ее права на институционализацию. Устраивает стремление властных структур к нормальному, цивилизованному, без давления, без ангажирования отдельных социологических структур и социологов, взаимодействию с социологией. Устраивает стремление власти прибегать к выявлению экспертного мнения социологов (и в целом к изучению общественного мнения) по основным проблемам жизни общества. Устраивают заказы власти и органов управления на исследование наиболее актуальных проблем. Устраивают действия власти, направленные на реализацию рекомендаций социологов и предложенных ими социальных проектов и технологий управления. Устраивает приглашение социологов со стороны власти к диалогу. Устраивает уважительное отношение к социологам. Устраивают позитивные, подкрепленные конкретными шагами действия властей, направленные на развитие социологического образования.

Что не устраивает социологию в ее отношениях с властью? Строго говоря, все то, что было сказано выше, только с обратным знаком. Это равнодушное, незаинтересованное (а иногда и недружественное) отношение власти к социологии, оказание на нее давления с целью получения необходимого результата в исследовании. Не устраивает отсутствие заказов и финансирования исследований, нежелание использовать социологов для экспертизы при принятии практически всех значимых решений, имеющих социально-экономическую и социально-политическую направленность. Не устраивает снижение интереса к социологическому образованию, проявляющееся в сокращении бюджетных мест на бакалавриат, в магистратуру и аспирантуру.

Теперь поставим вопрос «с другой стороны» и попробуем предположить, что устраивает и не устраивает власть в отношениях с социологией, имея в виду все ее уровни – федеральный, региональный, муниципальный.

В отличие от социологов, которые порой достаточно откровенно и зачастую нелюбезно характеризуют свое отношение к власти и с властью, последняя не стремится открыто демонстрировать и громко провозглашать свои взгляды на социологию и ее представителей. Она это делает, скорее, не словами, а делами, либо приглашая к сотрудничеству, либо – что чаще – стараясь не обращать внимание на результаты работы социологов. Но, поскольку не всегда есть возможность «замолчать» эти результаты и они, так или иначе, часто довольно болезненно затрагивают власть, ей приходится реагировать на «выпады» социологов своими «контрвыпадами», часто сводящимися к стремлению каким-то образом дезавуировать выступления (публикации) социологов. В отдельных случаях давление приобретает довольно грубые формы, как это имело место в 2013 г. в отношении Левады-центра, от которого потребовали признать себя «иностранным агентом» в соответствии с печально известным законом о некоммерческих организациях.

В порядке вывода с учетом высказанных выше соображений следует отметить, что существует реальное противоречие между стремлением социологии к максимальной независимости, неангажированности и объективности собственного знания и теми социальными, экономическими и политическими условиями, в которых ее представителям приходится проводить исследования и доводить их результаты до широких слоев населения, т. е. превращаться в публичную социологию.

В странах с отсутствующим гражданским обществом, в которых имеют место авторитарные и тоталитарные режимы, социологическое знание не может развиваться аутентично, что показал опыт и царской России, и Советского Союза. В известной степени это касается и современной России. Там, где господствует вертикаль власти, где отсутствуют реальные институты гражданского общества, социологическое знание не пользуется достаточной поддержкой и полным институциональным признанием. Чтобы все это пришло, необходимо появление реального гражданского общества. В противном случае социология будет лишь частью государственного истеблишмента, каковой, собственно, и является сегодня в России. По существу ее независимость как науки – на грани дозволенного властью статуса.

Что же должна исследовать социология, живая по своей природе наука, если общество, которое по определению является ее объектом, в стране реально отсутствует, будучи заменено государством? Ведь общество – это не пассивный и молчаливый объект управления и манипулирования властью, а многообразные формы связей, объединений, ассоциаций людей, совокупность (взаимосвязь) независимых от государства социальных общностей (в том числе некоммерческих организаций, различных партий, движений и т. д.), то есть того, что принято называть гражданским обществом, не включающим отношения господства и подчинения, «вертикаль» власти. Краткий ответ на поставленный вопрос: социология должна создавать знание о реальных путях формирования гражданского общества, а в его рамках – правового государства, которое будет обеспечивать, реализовывать интересы членов этого общества.

Такая трансформация социологического знания невозможна сама по себе, без изменения характера социальных процессов, происходящих в стране и регионах. Только направленность этих процессов против господства авторитарного режима в условиях полицейского государства способна создать предпосылки для нового вектора социологического знания и его соответствующего использования. С другой стороны, такое знание может явиться важным фактором социальных перемен. Это и есть в самых общих чертах путь развития социологической науки.

Литература:

1. Зборовский Г. Е. История социологии / Г. Е. Зборовский. – М.: Гардарики, 2007. – 607 с.
2. Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы / Б. М. Фирсов. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 476 с.
3. Грушин Б. А. Учёный совет при Чингисхане / Б. А. Грушин // Открывая Грушина / Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. – 544 с.
4. Добренков В. И. Ценностные ориентиры современной социологии / В. И. Добренков // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 108–115.
5. Дудина В. И. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии / В. И. Дудина // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 13–21.
6. Burawoy M. For Public Sociology / M. Burawoy // American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70. – № 1. – Pp. 2–28.